

ПУТИ РОССИИ
Новый
старый
порядок —
вечное
возвращение?

Новое
Литературное
Обозрение

2016

УДК 316:32(470+571)
ББК 60.561.3(2Рос)
П90

Московская высшая школа
социальных и экономических наук

Междисциплинарный академический центр
социальных наук (Интерцентр)

Под общей редакцией
М.Г. Пугачевой и А.Ф. Филиппова

П90 Пути России. Новый старый порядок — вечное возвращение? /
Сборник статей. Том XXI. — М.: Новое литературное обозрение,
2016. — 456 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-0292-2

В сборнике представлены статьи участников XXI международного симпозиума «Пути России. Новый старый порядок — вечное возвращение?», проходившего 21—22 марта 2014 года. Авторы — историки, философы, социологи, политологи, экономисты, культурологи — рассматривают социальную и политическую жизнь страны с точки зрения развития России и ее будущего. Современное многообразное обращение к прошлому как идеологический, культурный и политический феномен нуждается в теоретическом осмыслении. В статьях анализируется исчезновение перспективы предвидимого, желаемого, так или иначе планируемого будущего, с которым соизмеряются идеологические конструкции, долгосрочные планы, социальные теории и практика.

УДК 316:32(470+571)
ББК 60.561.3(2Рос)

© Авторы, 2016

© ООО «Новое литературное обозрение», 2016

ОТ РЕДАКЦИИ

Минувший год не только в России, но и в большой степени во всем мире продемонстрировал важную тенденцию, значение которой пока остается спорным, но, как представляется, скорее будет нарастать, чем ослабляться. В самом общем виде ее можно охарактеризовать как размывание, вплоть до полного исчезновения, перспективы будущего. Несомненно, социальная и политическая жизнь не останавливается, в ней происходит множество событий и вызывает множество процессов, в том числе и таких, которые могут оказаться совершенно непредвиденными. Но речь идет о другом, а именно — об исчезновении перспективы предвидимого, желаемого, так или иначе планируемого будущего, с которым соизмеряются идеологические конструкции, далекоидущие планы, социальные теории и практика.

В этой ситуации одним из наиболее частых ответов на вызовы становится обращение к тому, что уже неоднократно встречалось в прошлом. В России это принимает форму идеологического консерватизма — но не в смысле консервации того, что есть сейчас, а в смысле более радикального консерватизма, пытающегося обнаружить в разных периодах российской истории более или менее надежные, проверенные способы осмысления ситуации и овладения ею. Есть и совершенно недвусмысленные попытки представить консерватизм как господствующую, одобренную государственной властью идеологию и способ самопрезентации России в международном сообществе. Однако дело не только в идеологии. Речь идет об укреплении и реставрации практик и институтов социального управления, политического и полицейского господства — в той мере, в какой современное понимается именно в качестве консервируемого и восстанавливаемого, а не того, что находится в процессе модернизации как приближения к некоторому образцу модерна. Складывается и активно внедряется через средства массовой информации язык социальных описаний, напояющий о языке прошлых эпох.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5

Раздел 1

Социальные порядки: спонтанные, навязанные и рассказанные

<i>Андрей Игнатьев.</i> Понятие социального порядка: практики словоупотребления и объяснительные функции.....	9
<i>Леонид Бляхер.</i> Рассказанный порядок на советском Дальнем Востоке: конструирование «пустого» пространства.....	36
<i>Любовь Бронзино.</i> Социальный порядок через «сеть».....	46
<i>Ирина Дуденкова.</i> Политики тайны: порядок и конспирология.....	59
<i>Мария Юрлова.</i> Понятие чрезвычайного положения и «нового порядка» в политической мысли Карла Шмитта.....	67
<i>Роман Устьянцев.</i> Доверие в «государстве законодательства» Карла Шмитта.....	76
<i>Александр Балобанов.</i> Социальный порядок и государственность.....	83
<i>Александрина Ваньке, Ирина Ксенофонтова, Ирина Тартаковская.</i> Формы протестной интернет-коммуникации в России (на примере движения «За честные выборы»).....	98

Раздел 2

Свобода в России в контексте философско-гуманитарного знания

<i>Вадим Межуев.</i> Свобода как общественная ценность.....	133
<i>Светлана Неретина.</i> Свобода воли как проблемный узел России.....	143
<i>Сергей Никольский.</i> Смерть и свобода.....	158
<i>Владимир Порус.</i> Человек лишний.....	178

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 3

Национализмы Российской империи и ее соседей (XIX—XX вв.)

<i>Игорь Янков.</i> Конкурирующие национальные историографические двойники в борьбе за «место» в истории: нарратив и ритуальные практики.....	199
<i>Андрей Тесля.</i> Несколько замечаний о «славянском вопросе» в дебатах о «народности» и «нации» 1840—1870-х гг.....	211
<i>Игорь Нарский.</i> Социальный национализм? Язык символов и ритуалов в отделах Союза русского народа на Урале в 1905—1914 гг.	222
<i>Джованни Савино.</i> «Окраины России» и проект национализации Российской империи.....	231
<i>Антон Чемакин.</i> Русская национал-демократия в начале XX в.: генезис и идейные корни.....	243

Раздел 4

Как долго продлится националистический поворот?

<i>Владимир Кржевов.</i> Этничность или гражданство: к вопросу об основах национально-культурной интеграции.....	255
<i>Нина Багдасарова, Марина Глушкова.</i> На обломках устаревших категорий: анализ политической теории через призму практики национального строительства в Кыргызстане.....	276

Раздел 5

Траектории заброшенных и неосвоенных территорий России

<i>Ксения Аверкиева.</i> Исправительные колонии: «последний» фактор сельского расселения на лесной периферии.....	315
<i>Джудит Пэллот.</i> География тюремного заключения в России: от XX к XXI в.	332
<i>Светлана Игнатова, Олег Божков.</i> Факторы успешности сельхоз-предприятий в экстремальных экономических условиях.....	345
<i>Инна Копотева, Йоуко Никула.</i> От социальных инноваций к инновационным системам. Подход ЛИДЕР на европейских и российских сельских территориях.....	358
<i>Александр Куракин.</i> «Кулундар»: роль сельскохозяйственных предприятий в жизни сельских сообществ.....	379

ностью. Подозрительностью в качестве принципа критического мышления, маркером присутствия субъекта — и подозрительностью как принципом конспирологического мышления, занятого поиском тайн и секретов, которую можно обозначить как разницу между «подозреваю, чтобы прояснить» и «подозреваю, что здесь что-то неладно». Возможно, русский ум оказывается нечувствительным к этой разнице, однако любопытно, что, например, Мамардашвили любил писать и говорить про себя, пользуясь образом шпиона.

На первый взгляд может показаться, что мы осуществляем возвращение к эпистемологическим условиям. Но заслуживающим уважения промежуточным итогом можно считать связь между тайной и субъектом. Эта линия, возможно, не столь сильна, как, например, концептуализации тайны в марксизме в качестве идеологии правящих идей класса-гегемона, но позволяет нам уловить именно русский способ политизации тайны. А причины и следствия такого способа политизации — это уже другой отдельный и большой разговор.

Мария Юрлова*

ПОНЯТИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И «НОВОГО ПОРЯДКА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ КАРЛА ШМИТТА

Ситуация «чрезвычайного положения» в концепции Карла Шмитта предполагает условия, когда политический порядок существует, а вот правопорядка по какой-то причине нет, когда основной закон государства есть, но «не работает», когда перспективы будущего государства настолько размываются, что прогнозы оказываются невозможными, но при этом государство формально и юридически существует. Перед тем как перейти к описанию того, в чем, по мнению Шмитта, состоит специфика чрезвычайного положения, необходимо сказать несколько слов о том, как он понимает сущность государства.

Государство в шмиттовской теории является определенным статусом народа — политически единого народа. Ему принадлежит *jus belli*, т.е. реальная возможность в каждом данном случае в силу собственного решения определять «врага» и бороться с «врагом», объявлять войну¹. Эта возможность — определяющая для его статуса. Государство само принимает решение о своей судьбе: о том, существует ли оно на данный момент как единое и независимое образование или же находится в ситуации гражданской войны; должно ли быть установлено или прекращено чрезвычайное положение, объявлена война или заключен мир. Государство, не могущее по каким-то причинам принимать решения о своей судьбе, не может быть корректно названо государством — и для этого политического образования следует искать другой термин.

* Юрлова Мария Дмитриевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета.

¹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 45—46.

Итак, государство есть определенный статус народа, а субъект любого понятийного определения государства — народ, который является носителем учредительной власти, политической реализацией которой выступает конституция². Однако народ добивается и сохраняет состояние политического единства двумя различными способами. Он может быть политически дееспособен уже в своей непосредственной данности — в силу сильной и осознанной однородности, вследствие устойчивых природных границ или по каким-либо иным причинам. Тогда он являет политическое единство в качестве величины, реально существующей, тождественной себе самой и не нуждающейся в репрезентации³. Либо он должен быть репрезентирован кем-то — и тогда субъектом становится тот, кто репрезентирует, например парламент.

Здесь нужно сделать важную оговорку: с точки зрения Шмитта, универсальной, «на все времена», теории государства и права быть не может. Все используемые в политической мысли понятия несут на себе печать предыдущего употребления и той традиции, в которой они возникли. Поэтому всегда следует оговаривать границы их употребления и понимать, что именно мы имеем в виду, говоря о «государстве», «политике» и «субъекте» и т.д. Если мы этого по какой-то причине не делаем, то сталкиваемся с ситуацией, когда описываем современные реалии на языке, который уже устарел и не может зафиксировать произошедшие общественно-политические изменения. Говоря о чрезвычайном положении, суверене и государстве в теории Шмитта, мы будем обращаться к его ранним работам, составляющим смысловую целостность, достаточно непротиворечивую для того, чтобы анализировать ее в комплексе.

Конкретный смысл понятий можно познать только из конкретной практики. Шмитт, как он сам говорит, «исходит из конкретного порядка и общества», что, собственно, позволяет понять его готовность «ориентироваться на произошедшее», исходить из наличной ситуации. Политическая ситуация, которую он наблюдал в 1920—1930-х гг.

² Шмитт К. Государство: Право и политика. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. С. 112.

³ Шмитт К. Государство и политическая форма. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. С. 41.

в Германии, привела его к убеждению, что парламент более не является выразителем воли народа. Он должен это делать, но, когда парламентское большинство закрывает другим возможность получения большинства голосов, возникает опасность узурпации власти и того, что какая-то часть присваивает себе право быть выразителем интересов всего народа, т.е. как бы выдает себя за государство. В этом Шмитт видит обычную проблему плюралистического государства, в котором нет единства⁴. Господствующая на данный момент парламентская коалиция с чистой совестью использует все легальные возможности для укрепления своих властных позиций и применяет все государственные и предусмотренные конституцией полномочия в законодательстве, управлении, политике назначений и т.д.

В работе «Легальность и легитимности» Шмитт пишет о критической ситуации, когда обнажается противоречие между принципом равных шансов на получение политической власти внутривнутриполитическим путем и так называемой «премией за легальность» — за легальное обладание государственной властью. Равный шанс невозможен из-за презумпции легальности любого проявления государственной власти (в спорной ситуации мы обязаны сначала подчиниться закону, а уже потом оспаривать легальность отданного приказа, если, конечно, получится) и из-за того, что само понятие «равный шанс» относится к числу содержательно неопределенных и толковать его в конкретной ситуации есть дело легальной власти. Она сама определяет, кто легальный конкурент, а кто нет. И она тут в своем праве, это часть премии за легальное обладание властью. Кроме того, равные шансы имеет смысл оставлять лишь тому, в ком уверен, что он, оказавшись у власти, оставит их тебе, что делает такую возможность еще более проблематичной.

В такой системе в критической ситуации значимым оказывается исключительно тот, кто в момент упразднения системы легальности будет последним иметь в руках легальную власть и дальше сможет конституировать ее на новом основании, а также принимать те самые «решения о судьбе государства». В связи с этим крайне важной оказывается фигура того, кто будет находиться у власти во время, например, государствен-

⁴ Шмитт К. Государство: Право и политика. С. 136.

ного кризиса или гражданской войны. И то и другое подпадают под определение Шмиттом чрезвычайного положения.

Говоря о государстве, находящемся в состоянии кризиса (например, когда конституция де-юре существует, а де-факто не работает), Шмитт писал, что субъект, принимающий решение об установлении чрезвычайного положения, имеет такое же значение, как и само содержание решения. В связи с этим он дает определение суверена: суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении, а также о том, что именно нужно делать для устранения чрезвычайного положения. Также он принимает решение о приостановлении действия конституции государства. Полномочие прекратить действие закона — это и есть отличительный признак суверенитета. Суверен определяет, в чем состоит общественный порядок и безопасность, в случае опасности, когда возникают им помехи. Само его определение привязано не к нормальному порядку вещей, а к крайнему случаю, чрезвычайному положению. Невозможно привести перечень критериев, которые ясно указывали бы на случай «крайней необходимости». Но тогда возникает вопрос, как мы можем его опознать? В «Политической теологии», где Шмитт много пишет о чрезвычайном положении, он не дает ответ на этот вопрос. Однако этот исключительный, крайний случай оказывается очень важным, потому что именно он, и только он «актуализирует вопрос о субъекте суверенитета», на который не может дать ответ действующая конституция: «Невозможно не только указать с ясностью, позволяющей подвести под общее правило, когда наступает случай крайней необходимости, но и перечислить по содержанию, что может происходить в том случае, когда речь действительно идет об экстремальном случае крайней необходимости и его устранении. <...> Конституция может в лучшем случае указать, кому позволено действовать в таком случае»⁵. В случае чрезвычайного положения мы имеем дело с ситуацией правовой неопределенности, и сувереном будет тот, кто, во-первых, принимает решение, что случай является крайним, а во-вторых, как именно с ним справиться.

Само понятие «чрезвычайное положение» звучит так, как будто суверен действует в ситуации полного отсутствия норм, права и порядка. Это не так. Важным и стоящим внимания моментом является

⁵ Шмитт К. Государство: Право и политика. С. 17.

то, что чрезвычайная ситуация, чрезвычайное положение — это ситуация, которая остается в границах нормы, хоть и является предельной. Крайний случай не отменяет действия права. Это всегда нужно иметь в виду, говоря о Шмитте. Несмотря на кажущийся радикализм и даже революционность его взглядов, как правоведа и политический мыслитель, он всегда ищет нечто устойчивое, на что можно опереться даже в критической ситуации. Чрезвычайное положение — это ситуация, когда не действует право, но порядок остается. Государство как таковое никуда не девается, но что происходит в этот момент? Как можно описать и оценить происходящее с точки зрения правоведа? Адекватен ли здесь язык юридической мысли, пригоден ли он для подобного описания? Шмитт выделяет три вида так называемого «юридического мышления»: мышление о правилах и законах, мышление о решении и мышление о конкретном порядке и форме. По его мнению, любая форма политической жизни находится в непосредственной взаимосвязи со специфическими способами мышления и аргументации в правовой жизни. Забегая вперед, можно сказать, что адекватным языком и типом мышления Шмитт называл конкретное мышление о порядке и формах, «которое должно соответствовать возникающим сообществам, порядкам и формам нового века, когда государство разделено не на государство и общество (для такого состояния государства как раз и адекватен был правовой позитивизм), но представляет собой политическое единство народа»⁶.

Современное правовое государство, по мнению Шмитта, пытается отодвинуть вопрос о суверенитете путем разделения или контроля за властями и тем самым устранить суверена. Однако сам он настаивает на том, что это невозможно, поскольку само понятие государства предполагает понятие политического. Собственно, здесь и возникает фигура того, кто в концепции Шмитта является гарантом конституции и силой, способной возродить единство государства. Тому, кто может и должен (исходя из фактичности сложившейся ситуации) быть таким субъектом, посвящена его работа «Гарант конституции».

Шмитт начинает с того, что само требование учреждения гаранта и хранителя конституции чаще всего есть признак критического конституционного состояния. Чтобы ответить на вопрос, кто именно должен

⁶ Там же. С. 331—332.

выступать гарантом конституции, он обращается к конкретному конституционному положению современной ему Германии и характеризует его посредством трех понятий: плюрализм, поликратия и федерализм. Первое из них говорит о власти многих субъектов над государственным волеобразованием; «многовластие» основывается на изъятии из государства отдельных частей и обретения ими независимости от государственной воли; в федерализме же соединяются влияние на волеобразование рейха и предполагаемая поликратией эмансипация.

С точки зрения Шмитта, конституционная ситуация Германии первой трети XX в. характеризуется, прежде всего, тем, что учреждения и нормы XIX в. остались неизменными, в то время как ситуация полностью изменилась. Германские конституции XIX в. относились к эпохе, основу которой великое немецкое государственное право того времени сформулировало в ясной и удобной формуле: различие государства и общества. Буржуазно-правовое государство XIX в. — это законодательное государство. Юстиция в нем не могла самостоятельно решать спорные политические и законодательные вопросы. В XIX в. гарантом конституции был парламент. При этом всегда предполагалось, что парламент имеет дело с независимым от него сильным монархическим чиновничьим государством. Ведь «тенденция либерального XIX в. стремилась по возможности ограничивать государство до минимума, прежде всего по возможности не позволять ему интервенции и вмешательство в экономику, вообще максимально нейтрализовать его по отношению к обществу и противоречиям интересов, с тем чтобы общество и экономика по своим собственным имманентным принципам выработали для своей сферы необходимые решения: в свободной игре мнений на основании свободной агитации возникают партии, их дискуссия и борьба мнений создает общественное мнение и тем самым определяет содержание государственной воли; в свободной игре социальных и экономических сил царит свобода договорных и экономических отношений, в результате чего кажется гарантированным максимальное экономическое процветание»⁷.

Но этот вариант гаранта конституции Шмиттом отвергается — в силу того, что обстоятельства изменились, «конкретное положение

⁷ Шмитт К. Государство: Право и политика. С. 121.

дел» не совпадает с реалиями XIX в. Превосходство парламента требует различения государства от общества, однако в начале XX в. мы наблюдаем тенденцию к их слиянию. Так называемых «нейтральных сфер» — экономики, культуры — больше не существует, несмотря на то что европейцы с XVI в. ищут сферу, которую можно было бы объявить «нейтральной», сферой взаимопонимания, обсуждения, убеждения, договора, а не борьбы. XX век нашел, как ему казалось, такую сферу, и ею оказалась техника. Соответственно, государство также должно быть «нейтральным», раз центральная область, которая питает его жизнь, признана нейтральной.

Согласно Шмитту, надежда, что из технического изобретательства разовьется политический господствующий слой, неоправданна, поскольку нейтральность техники — нечто иное, нежели нейтральность всех предшествовавших областей: «...Сама техника остается, если можно так сказать, культурно слепой. Поэтому из чистого не-что-иное-как-техника нельзя извлечь ни одного из тех следствий, которые обыкновенно выводятся из центральных областей духовной жизни: ни понятие духовного прогресса, ни тип знатока или духовного вождя, ни тип определенной политической системы»⁸. Особенность техники в том, что ею может воспользоваться любая сильная политика, ее кажущаяся нейтральность оборачивается как во благо, так и во зло. С позиции Шмитта ход мысли, полагающий технику «нейтральной» сферой, ведет только к вредным и опасным иллюзиям, поскольку такая нейтрализация предполагает собой и кажущуюся деполитизацию. На деле же на почве техники также может возникать разделение на «друзей» и «врагов», являющееся, по Шмитту, специфически политическим противостоянием, предельное выражение которого война.

Почему вопрос о суверене и суверенитете оказывается таким важным для Шмитта? Потому что в его концепции суверенитет — это сущность государства. Государство является таковым, если может объявить чрезвычайное положение, т.е. принять решение о собственной судьбе, ведь под чрезвычайным положением следует понимать любые решения о государстве, а не только исключительные. Показательно и то, что

⁸ Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 55.

Шмитт называет суверена «гарантом конституции», который создает ситуацию нового порядка.

Шмитт совершенно верно отмечает, что норма не может воплотиться в действительность самостоятельно, для этого необходима чья-то воля и чье-то решение. Правовая идея не способна саму себя провести в жизнь; конкретные факты следует трактовать на основании правовых принципов, и делает это всегда кто-то, при этом правовая идея не несет в себе предписания, кто должен ее применять. Это должна быть некая компетентная инстанция, обладающая авторитетом. При этом сама по себе формула права «как норма решения только определяет, как должно решать, но не кто должен решать»⁹. Этим кем-то и будет суверен, значимость решения которого не в аргументации, а в авторитарном устранении сомнения, возникающего из возможных, противоречащих друг другу аргументаций. Это не вопрос осведомленности и не простое добавление к норме, это вопрос воли, а деятель здесь не эксперт.

Суверен создает «нормальную» ситуацию, являющуюся предпосылкой того, что нормы вообще могут быть значимы, «ибо всякая норма предполагает нормальную ситуацию, и никакая норма не может быть значима в совершенно ненормальной применительно к ней ситуации»¹⁰. Это значит, что основной функцией суверена является разрешение кризисной ситуации, после чего устанавливается новый порядок, а любые чрезвычайные полномочия должны прекратить действие (за исключением так называемой «премии за обладание властью», но шмиттовский суверен здесь ничем существенно не отличается от любого носителя власти). Новый порядок предполагает новую разметку политического пространства, а также то, что новый закон в дальнейшем будет значим и для того, кто принимает решение о его установлении. По этой схеме тот, кто был сувереном, должен встроиться в новый порядок, иначе система не сможет работать.

Итак, суверен совершает не просто интеллектуальное, умственное действие, но принимает решение, которое преобразует политическое пространство. В связи с этим возникают следующие вопросы: какие

⁹ Шмитт К. Политическая теология. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2000. С. 36.

¹⁰ Шмитт К. Понятие политического. С. 49—50.

способы легитимации могут быть использованы, чтобы легализовать новый социальный порядок? Могут ли работать те, что применялись до кризиса? Иными словами, что будет дальше, после создания этого самого «нового порядка»? Ответы на эти вопросы не являются самоочевидными, поскольку приходится говорить о новой разметке политического пространства, о последующем наполнении его содержанием, в том числе и нормативным, которое не является очевидным из настоящего момента, будь то «нормальная» или кризисная ситуация. В этом, на наш взгляд, основная особенность чрезвычайного положения в шмиттовском его понимании.